

в день Дауджита представляют как бы единую семью, сообща заготавливают пиво, угощения, вместе веселятся, устраивают спортивные состязания, руководителем праздника является старейшина села, и т. д. Общественный характер праздника указывает на былой общественный характер сельскохозяйственного труда, для которого весна означала начало сельскохозяйственного цикла. Интересно также подробное описание ныхаса — народной трибуны Осетии. Качество этой части очерка снижается, однако, примитивным объяснением происхождения праздника Дауджита. Несмотря на то, что материал автора убедительно раскрывает связь этого весеннего праздника с языческими религиозными представлениями, автор доказывает, что его «нельзя отнести ни к идолопоклонству, ни к православию, ни к какой-либо другой религии. Он возник еще в далекие времена, в процессе борьбы за существование, за физическое сохранение населения Сби от снежных обвалов». Весь остальной этнографический материал носит поверхностный характер. Так, например, вместо того, чтобы показать скотоводческий праздник, связанный с возвращением скота с кутанов, автор ограничивается замечанием: «сельчане распорядились зарезать на ужин барана, чтобы достаточно отпраздновать благополучное возвращение овец», и т. д.

Очерк загроможден посторонними, не относящимися к делу отступлениями. Так, например, рассуждения о собаке и качествах ее характера, сопровождающиеся историческими сссылками на замечательных собак, и т. д. Многочисленные цитаты из Лермонтова, Маяковского и других поэтов неудачно подобраны и совершенно не к месту. Отмеченные недостатки не лишают очерк В. Д. Абаева некоторого интереса для этнографа-кавказоведа.

З. Никольская

Г. У. Эргис, *Памятка собирателям советского фольклора*, ЯКГИЗ, Якутск, 1947, 55.

«Памятка собирателям советского фольклора», выпущенная Научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории Якутской базы Академии Наук СССР, — ценное пособие для корреспондентов Института: учителей, студентов, избачей, советского и партийного актива, занимающихся собиранием среди якутов устного творчества советского периода. «Памятка» заслуживает особого внимания, как первый опыт специального методического пособия по сбору советского фольклора якутов, в особенности фольклора Великой отечественной войны. Пособие разбито на четыре раздела: 1) введение — краткий очерк развития советского фольклора якутов от революции и гражданской войны до настоящего времени, характеристика основных жанров, образцы лучших якутских фольклорных произведений советского периода; 2) подробная программа по сбору всех видов и жанров советского фольклора якутов с учетом особенностей развития якутского народа и его фольклора в советскую эпоху; 3) методика записи, где, не ограничиваясь методическими указаниями по технике записи устного творчества, автор справедливо требует от собирателей помещения лучших образцов советского фольклора в районной печати, в стенных газетах клубов, изб-читален, школ, оказания культурно-политической помощи народным певцам и сказителям, в то же время предостерегая собирателей от прямого вмешательства в процесс творчества сказителей; 4) библиография советского фольклора якутов, снабженная аннотациями сборников и крупных произведений, а также краткое описание рукописей фольклорных фондов Института.

«Памятка», составленная Г. У. Эргисом, несомненно, поможет развернуть массовый сбор и запись устного советского творчества якутов. Следует ожидать, что выпуск такого местного пособия — программы по советскому фольклору — не ограничится Якутской АССР.

И. Гурвич

НАРОДЫ АФРИКИ

Г. Стенли, *В джунглях Африки*, Редакция, вступительная статья и комментарии И. И. Потехина, Москва, 1948.

Настоящая книга Стенли впервые была издана в русском переводе Бекетовой, в 1892 г. В основу рецензируемого издания положен перевод Бекетовой, однако текст сокращен на одну треть, а в самый перевод внесены значительные изменения. Сокращения произведены, во-первых, за счет изъятия лженаучных реакционно-расистских рассуждений автора о народах и племенах Африки как о племенах «нижней расы», а во-вторых, за счет исключения из книги глав, не имеющих прямого отношения к географии или этнографии Африки. Однако книга только выиграла от этих сокращений, так как в ней стали более выпуклыми те ценные географические и этнографические данные, которые в ней имеются, но выступали менее рельефно.

Прошло около полувека со времени английского издания книги Стенли, но собранные им материалы до сих пор не потеряли своей ценности. Стенли много сде-

лал для географического исследования Африки. Он окончательно разрешил проблему реки Конго, ему удалось связать истоки этой реки с ее устьем; Стенли первый дал описание озера Виктория, открыл озеро Эдуарда и пр. Яркими, чрезвычайно живыми красками изображен Стенли дремучий тропический лес.

Очень важны этнографические сведения, приводимые Стенли. Он описывает материальную культуру ряда племен и дает интересные характеристики их хозяйственной жизни. В дремучем тропическом лесу встречаются трудолюбивые земледельцы балессе, которые, благодаря чередованию посевов бананов с кукурузой, достигают больших результатов. Повсюду в лесу разбросаны небольшие группы охотников вабутти, иначе называемых батва, акка или базунгу. Акка селятся маленькими колониями среди земледельцев банту. Сложные приемы охоты с ловушками, ямами, облавами и отравленными стрелами хорошо известны пигмеям-акка. Когда Стенли со своим отрядом приходит в Уганду, Руанду и Униоро, в его дневнике появляются подробные записи о быте пастухов вахума с указанием пород скота и характером скотоводства. В книге имеются детальные описания разнообразных типов жилища (Стенли неоднократно подчеркивает, что жилища экваториальной Африки не однотипны): конические жилища сменяются жилищами квадратного плана, со шпилем на крыше; акка живут в шалашах овального плана. Стенли старается по мере возможности давать описания антропологических признаков племен, встречающихся на его пути, причем особенно хорошо удается ему отмечать шкалу цвета кожи: от темно-коричневого (шоколадного) до светлого.

Однако его выводы из антропологических наблюдений часто ошибочны и часто реакционны: Стенли относит вахума к семитическим народам, причем под «семитами» ошибочно понимает расовое, а не лингвистическое деление. По лингвистическим признакам вахума тоже не принадлежат к семитам: это довольно типичные представители хамитической группы.

Стенли почти не касается социальной организации наблюдаемых им племен. В тех случаях, когда он затрагивает эти вопросы, выводы его неправильны. Так, например, Стенли пишет, что «женщина у вахума является собственностью своего мужа». И в то же время, к его удивлению, ее уважают. Одновременно Стенли указывает, что «женщины распоряжаются всем домашним обиходом, также продуктами молочного скота и полей, женским делом считается сбивание масла и ведение торговли. Что бы вы ни пожелали купить, ... вы должны обращаться за этим к женщинам. Такова их неоспоримая привилегия во всей Африке». Последнее утверждение Стенли неверно, так как отнюдь не по всей Африке субъектами обмена являются женщины. Интересно, что именно женщины у вахума занимаются сбиванием масла, хотя у многих скотоводческих народов женщине строго запрещается прикасание к молочным продуктам. Совершенно ошибочно утверждение Стенли, что женщина считается собственностью мужа,— утверждение, основанное только на том, что за невесту взимается определенная плата. Как пишет тот же Стенли, женщина в случае дурного обращения с ней мужа во всякое время может вернуться к своим родителям. Мимоходом Стенли упоминает о наличии экономического неравенства среди населения Униоро, Анколе и Уганды, указывая на существование знати, но подробных данных не приводит.

Хотя редакцией изъятые реакционные рассуждения Стенли о «низшей расе», читатель все время сталкивается с отдельными замечками Стенли, насквозь пронизанными пренебрежением, высокомерием и убеждением, что встречаемые племена принадлежат к самой низшей расе. Приводя остроумные ответы туземцев, Стенли поражается, что они вообще способны на остроумие. Сам Стенли распорядился сжечь деревни бабусессе (верховье Игури, притока Конго) только за то, что бабусессе, не понимая намерений отряда, совершили разведывательную вылазку, хотя сам неоднократно описывает случаи мирного разрешения вопросов, если туземцы убеждались, что им не причиняли зла.

Стенли является одним из тех путешественников, которые не только прокладывали путь миссионерам и капиталистам, но только прямо и открыто призывали европейских империалистов к экспансии, но и сами принимали активное участие в колонизации. Стенли подкупом, а иногда и силой образовал «Свободное государство Конго» для бельгийского короля Леопольда, известного покровителя работорговли. Одновременно Стенли выполнял поручения Великобритании и Германии, заинтересованных в разделе Африки. Недаром местные племена прозвали его «Ипанта Игунда», т. е. «разоритель страны».

Рецензируемая книга сопровождается большой вступительной статьей И. И. Потехина и примечаниями. Вступительная статья значительно выходит за рамки заглавия: «Стенли, географические исследования и империалистический раздел тропической Африки». Автор восполняет изъятые из книги главы, развертывает перед читателем не только ход географических открытий в тропической Африке, но и весь сложный процесс исторического развития племен этого района. Предисловие показывает, какое влияние оказала экспансия арабов, португальцев, французов, англичан и немцев на материальную культуру, общественный строй и духовное развитие племен тропической Африки.

Ко времени португальского вторжения тропическая Африка была населена рядом племен, находившихся на довольно высокой ступени развития: португальцы открыли

существование государства Конго и др. На юго-восточном побережье Африки в то время также существовал союз племен «Машона». Португальское и арабское вторжения надолго задержали процесс исторического развития народов и племен тропической Африки. Гнусная работорговля, охота за рабами, массовое истребление сопротивляющихся племен — вот те кровавые страницы из истории Африки, в которой принимали активное участие не только арабы, но и европейцы — люди так называемой «высшей расы». Вслед за путешественниками в Африку вторгались европейские империалисты, которые спешили забрать себе лучшую и наибольшую часть Африканского материка, хранившего неиссякаемые богатства золота, марганца, нефти и свободной рабочей силы. В предисловии и комментариях еще раз разоблачается так называемая «помощь» цивилизации отсталым народам Африки.

Сейчас, когда новый хищник в лице США все более проникает в Северную и тропическую Африку, особенно четко нужно себе представить, что несет эта «помощь» африканским племенам и что она уже принесла: гнет, разорение, низкую производительность труда, консервирование старых родовых отношений, которые используются колониальными властями для своих целей. Очень важно замечание автора предисловия относительно термина «негры». Единого «негритянского народа» не существует. Имеются различные африканские племена, принадлежащие по своим антропологическим признакам к негрской, эфиопской, пигмейской или бушменской расам.

Книга Стенли «В джунглях Африки» вполне заслуживает переиздания, тем более что в настоящем издании ценное предисловие и комментарии дают полное представление о ходе географических открытий в тропической Африке, вместе с тем на ряде примеров еще раз показаны истинные цели и конкретные действия европейских колонистов в тропической Африке.

М. Райт

«Плоды» функциональной школы

Kenyatta. *Facing Mount Kenya*. The tribal life of the Gikuyu. London, 1938, Secker and Warfurg, with introduction by B. Malinowski, pp. 339.

Вторая мировая война помешала своевременно ознакомиться с книгой Кеньятты, но мы считаем нужным, хотя бы с большим опозданием, сказать свое мнение об этой книге. Она заслуживает внимания уже по одному тому, что принадлежит перу представителя африканского народа. Даже в середине XIX в. — это большая редкость, так как империалистические «опекуны» лишили африканцев возможности получить образование и только немногим сдиночкам из верхушечной прослойки это удается. Кеньятта принадлежит к племени кикуйю и описывает жизнь своего племени, которую он очень хорошо знает. Это не рядовой член племени, он принадлежит к его верхушке, был членом совета старейшин. Он давно принимает активное участие в национальном освободительном движении народов Кении, был генеральным секретарем Центральной Ассоциации Кикуйю. Поэтому читатель имеет все основания предъявить высокие требования к его книге. Мы надеялись найти в его книге обстоятельное и всестороннее описание жизни племени кикуйю, но нас ожидало разочарование: книга оказалась плохой, бесцветной, хотя и содержит интересный фактический материал о некоторых сторонах жизни кикуйю.

Кеньятта взял себе в руководители по этнографии проф. Б. Малиновского, замался у него в кружке этнографов при Лондонской экономической школе; о Малиновском он пишет, что это «мой друг и учитель». Следует иметь в виду, что взгляды функциональной школы о необходимости укрепления родоплеменной организации соответствуют интересам ее верхушки, к которой принадлежит Кеньятта. Описывая жизнь своего народа, Кеньятта исходит из порочных методологических принципов этой школы.

Структура книги обычная для буржуазных этнографических исследований: система родства, система землевладения, хозяйственная деятельность, система воспитания, инициация девушек и мальчиков, половая жизнь и свадебные обычаи, организация власти, религия и магия. Самой ценной частью книги является глава об инициациях. Автор сам прошел все ступени инициации и описывает их по собственному опыту. Он не мог видеть инициации девушек, но его тетка проводила операции дефлорации девушек и он знает этот обряд по ее рассказам. Не менее интересный материал дают главы о половой жизни и свадебных обрядах. Эти главы представляют несомненный интерес для всякого этнографа, но книга в целом скучна и не интересна.

Кеньятта поставил перед собой задачу вскрыть механизм племенной организации как некоей целостности, как самобытной «интегральной» культуры — задача, решению которой так много внимания уделяет функциональная школа. Однако порочная методология помешала ему дать картину живого, развивающегося племени.

Кеньятта неправильно трактует само понятие «племя». Для него племя не является категорией первобытно-общинного строя; эту первоначальную стадию в развитии человеческого общества он вообще не признает. Он утверждает, что кикуйю никогда не знали «общинной или племенной собственности на землю» (стр. 25). Исходной позицией развития поземельной собственности он считает частную соб-